

16+

О ЧЁМ ШЕПЧЕТ ЛЕС

РОМАН РА

Роман РА
О чём шепчет лес

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Роман РА

О чём шепчет лес / Роман РА — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Глубокая и эмоциональная историческая повесть, состоящая из трёх частей и проходящая как спектакль в трёх актах. На помостах исторической концепции оказываются члены обычной семьи, бегущие от опасной жизни, но неспособные сбежать от чувства долга перед обществом. Когда для счастья безопасности оказывается слишком мало, они принимают рискованные и волевые решения, свидетелем чего и становится лес, неотрывно наблюдающий за героями.

Содержание

Пролог	5
Часть первая: Повиновение	6
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Пролог

Одиноким путник въехал на повозке в маленький городок, название которого даже не смог прочитать из-за облепившей табличку дорожной пыли. Он приехал сюда торговать впервые и, спрыгнув на твёрдую землю, поспешил справиться о местонахождении рынка у первых встречных.

У салуна в сильном подпитии стояла, опираясь на ограждение, крупнотелая женщина средних лет. А подле неё стоял паренёк с выскобленным подбородком и важно курил трубку. Всем своим видом он пытался показать себя человеком важным, деловитым, но выглядел как ребёнок со взрослой игрушкой. Путник предпочёл обратиться к женщине.

– Не подскажете ли...

– Рынок? – перехватила она его мысль. – Во-о-о-он там, – она так размахнулась, что едва не упала, а паренёк и не подумал её подхватить, только выдохнул в воздух клуб дыма. – Прямо, прямо езжайте, не пропустите.

– Значит, прямо по дороге, – кивнул он. – Хорошо здесь торговля-то идёт?

– Ой хорошо! – хмельным голосом воскликнула женщина. – Народ как оголодавший – всё сметают. Вы только из города уезжайте той же дорогой, а то по другую сторону лес – туда вам не надо.

– Это там, где земля дешёвая? – спросил торговец и ощутил на себе хмурый взгляд курящего паренька – тот, однако, так и продолжил молчать.

– Дешёвая-то дешёвая. Да не смейте покупать.

– А что там такое? У леса-то. – Гость, почти что случайно посетивший маленький городок, не удивил своим любопытством. Многие интересовались – почти что каждый. – Живёт ли кто?

– Нет, никто не живёт. Я раньше жила, но сейчас уже перевелись там все жильцы, от того и земля дешёвая. Последняя семья, как мне помнится, заселилась весной того года. Хорошие были люди. Мы ж в ту пору соседями были, часто видались да знавались. Ещё петухи не пели, а мужчина их уже всю топором машет – дрова для печи колит. Детки поднимались попозже. То игрались, то отцу помогали, то с матерью в город ходили. Каждый день их видели, ведь рядом ж совсем жили... но только дома нашего там больше нет – погорел. Уехать успели – и то хорошо.

– А от чего уезжали?

– От индейцев, – лицо женщины побледнело, как у покойника.

Часть первая: Повиновение

Колёса старой телеги протяжно скрипели под весом немногочисленных пожитков семьи Ламберт, что, как и многие в это беспокойное время, покинули родной дом в поисках спасения от набегов беспощадных и яростных, словно дикие звери, индейцев. Джордж Ламберт – строгий и угрюмый глава их небольшого семейства, – беспокоился, что ещё несколько миль пути и у телеги провалится днище. Как они тогда будут? Кляча – это не осёл, её вещами не нагрузишь, а в руках тащить – так никаких рук не хватит. Ещё прошлым днём он сказал Джошуа – их собственному негру, весящему, наверное, под две с половиной сотни фунтов, – сойти на землю и идти пешком. Сегодня с раннего утра натаптывал мозоли и сам. Его дети, Анна одиннадцати лет и Питер девяти, а также молодая и красивая жена Бетти, всё ещё ехали в телеге, устроившись среди вещей. Бетти сидела на пыльном мешке и, перекинув через плечо золотую косу, медленно вычёсывала песок костяным гребнем. Она пристально смотрела вдаль, словно пытаясь разглядеть там, за горизонтом, что-то новое, что-то прекрасное. Но так далеко, как позволял видеть глаз, впереди тянулась только жёлтая лента безжизненной почвы, вытоптанная копытами и испещрённая бороздами от колёс.

Телега снова проскрипела, а днище прогнулось и чуть бы не хрустнуло. Ещё немного, и придётся просить жену сойти на землю – уж лучше она, чем дети. Анна спала на мешке с яблоками, которых в дорогу взяли столько, что сейчас от одной мысли о их кисло-сладком вкусе начинало крутить живот. Она иногда переворачивалась или постанывала, если под колесо попадал камень, но почти не просыпалась – так долго девочка не спала с самого младенчества. Это от слабости, понимал Джордж. И Бетти понимала. Но никто из них ещё не начал размышлять об этом вслух, а в душе молились, чтобы и Питера не начали покидать силы. Пока же он, привычно жизнерадостный и не по годам сильный мальчик, игрался со своим щенком – Айданом. Уехали бы они неделей ранее – никакого щенка бы и не было. Да и если бы остались, Джордж бы ни за что не разрешил взять в дом уличную собаку. Но когда накануне самого отъезда Питер принёс в руках вымокшего ободранного детёныша, совершенно не похожего на собаку, в его глазах стояла тревога. Он не так хотел собаку, как хотел увезти этого щенка подальше от опасности, и Джордж принял это. Сейчас бы он с радостью скинул щенка с телеги, чтобы тот тоже шёл пешком или, что даже лучше, издох на дороге. Да только что толку – много ли веса в таком маленьком животном? Совсем чуть.

Всё вокруг, насколько чуял нос, пахло дорожной пылью. Ни воды, ни травы, ни любой другой жизни вокруг – только песок, подгоняемый ветром, бросающийся на одежду, забивающийся в ноздри и рот, попадающий в глаза. Джордж Ламберт боялся сгубить семью своим же решением, но поворачивать назад не планировал. В конце концов, куда там идти? Он бы не удивился, если бы деревня уже была разорена. Они, индейцы, совсем расшаркали и в последнее время устраивали набеги каждый месяц. Зачастую неожиданно, хаотично. Никакое ополчение не помогало с ними справиться, а армия всегда была слишком занята своими военными делами, чтобы обеспечить защитой простых жителей. Джордж же с первых совместно прожитых дней верил, что только он один ответственен за их с Бетти жизни, и ни на кого другого надеяться не привык.

День ото дня, несмотря на подстерегающую опасность, Джордж Ламберт занимался привычными делами. Он не выдавал внутреннего беспокойства и в тайне продумывал варианты избежать участи наименее удачливых из их соседей. Однажды к нему в руки попала газета, гласящая о дешёвых земельных участках, сдающихся в рассрочку, и непременно Джордж отложил в сторону инструменты и пошёл в дом.

– Собираемся, – сказал он тогда так громко, чтобы слышали и жена, и дети. Бетти и не думала противиться.

Когда-то будущая миссис Ламберт была простой девчонкой с соседской фермы, и они с Джорджем не очень-то ладили. А ладили их отцы – Карл Ламберт и Роберт Холл, – и, возможно, даже матери – Сьюзан и Маргарет. Всё было решено заранее, и в ту пору, когда детям пришла пора жениться, Джордж просто принял невесту как должное. Юную Бетти такое решение не обрадовало, но она была выучена не спорить ни с родителями, ни с будущим мужем. И всё же она старательно саботировала любые попытки родителей сблизить и подружить родных до самой свадьбы – так она как будто бы начинала мучиться животом в вечера совместных ужинов, или придумывала себе необычные, одним только детям ведомые дела, если в тот день им предстояло играть вместе с Джорджем. Иной раз, когда Бетти смотрела на него, дыхание перехватывало, а руки брала дрожь. Но её волнение не имело ничего общего с тем вожделенным чувством, что испытывают влюблённые. Джорджа она боялась. Будучи ещё мальчиком, он уже выглядел мужественно грубым и был не по годам рослым и плечистым. Интересы же его ограничивались одним только физическим трудом, ещё он иногда ел, чуть реже спал, да раз другой в день присаживался на горшок. И только на эти темы, не представляющие для Бетти ровным счётом никакого интереса, она могла поговорить с человеком, которого ей выбрали в мужа. Мысль о том, что её собственные дети будут такими, приводила в ужас. И этот ужас, этот страх, не имел ничего общего с теми поисками, которые она вела с самого раннего детства, желая разбавить монотонность дней острыми, как игла, ощущениями. После свадьбы Бетти уже не видела в Джордже опасности, но испытывала к нему самое настоящее и бесконечно живое отвращение. Но по прошествии лет это отвращение если и не поубавилось, то стало чем-то вполне обыденным – как отвращаются люди при виде собственных нечистот. Неотвратимость каждодневного созерцания его узкого щербатого лица зародила в ней что-то вроде смирения, и Бетти, подобно запертой в клетке птице, уже не пела по утрам, но и улететь не пыталась.

Примерно в то же время их родители совместными усилиями выкупили небольшой участок земли и отдали в распоряжение тогда ещё юноши и девицы. Место было неважное – с плохой землёй, огороженной старым покосившимся забором, с неказистым маленьким домом. Роберт и Маргарет Холлы боялись представить, как их единственная дочь будет жить, в каких условиях будут расти её дети, но Карл Ламберт, мужчина от природы суровый и бескомпромиссный, настоял на том, чтобы молодые сами улучшили данные им условия. Он никогда не баловал сына и так же не собирался баловать невестку.

– Джордж, теперь Бетти – твоя семья, – сказал он без толики родительской любви в голосе. – Теперь у тебя есть обязательства и от них ты не сможешь отказаться до своего последнего дня.

И с первых дней совместного житья Джордж делал то, чему его научили с раннего детства: пахал и сеял, рубил и строил. Каждый день, с раннего утра и до позднего вечера. И хотя в ту пору Джордж и Бетти уже делили один дом, мужем и женой они друг другу ещё не приходились. Именно Карл Ламберт решил отложить свадьбу до тех времён, пока не скопит достаточно денег, чтобы устроить самое большое и яркое торжество во всём городе. Скромная свадьба его не устраивала, и в своих намерениях он был так жёсток и решителен, что не терпел иного мнения и даже слушать не хотел доводы о том, что совместное житьё неженатых юноши и девицы навлечёт позор на обе семьи.

– Лучше бы работать шли, а не трепались! – говорил он. – Быстрее заработаем – быстрее и свадьбу сыграем!

Но однажды поутру Карл, собираясь в свою мастерскую, так неудачно упал с крыльца собственного дома, что все скопленные деньги пришлось отдать доктору за лечение. Но если медицинская наука и бдительный уход смогли вылечить ноги, то самого Карла, придавленного к постели тяжестью горечи от несбывшейся мечты, они спасти не могли. Многими месяцами позже он, уже совсем высохший от постоянной жалости к себе и весь заросший сединой, поднялся на слабых ногах, ушёл в лес и уже никогда не возвращался.

Так, вслед за твёрдой властью сгинула и тень прежнего тирана, навсегда освободив обе семьи от чувства несвободы. Траур по Карлу Ламберту решили не нести, поскольку тот просто ушёл, а не умер. И свадьбу сыграли очень скоро и очень скромно, гостей позвали мало, а на стол выложили только овощи с собственных огородов и мясо забитой днём ранее коровы. Джордж и Бетти чувствовали себя лишними на этом празднестве, поскольку единственные из всех присутствующих не ощущали искренней радости, не пили и не плясали. Но даже схожее неудобное положение не смогло их сблизить, и уже тогда стало ясно, что отныне и впредь каждый будет справляться со своим одиночеством самостоятельно.

И всё же их близость не могла откладываться вечно, и к тому моменту, когда пришло время заводить семью, иссушенная одиночеством Бетти показала непривычную живость в своих протестах. Непонимание Джорджа продлилось недолго – тогда-то, в их первом общем доме, он и узнал, что Бетти уже не девушка. Долго гадать на виновника не пришлось – на всю округу, считая самого Джорджа, у них было только трое юношей подходящего возраста, и один из них болел слабоумием. Оскар, третий юноша, с которым Бетти когда-то поддалась молодой страсти – той самой, какую никогда не знал её муж, – уже и сам стал мужчиной, обзавёлся собственной женой и даже маленьким ребёнком. Джордж мог прогнать жену из дома, законно расторгнуть брак, навсегда рассорить их семьи. Но отчего-то не придал этому преступлению никакого значения. Он предпочёл остаться с той, кого ему выбрали родители, а после закрыл глаза на её недовольство и продолжил с ней свой род.

Молодая девушка от этого стала ещё более холодной, зажатой, скованной. Сама природа обещала ей дитя любви в чреве, но все следующие девять месяцев она ощущала у себя в животе только ком, сотканный из режущей боли, жгучей тоски, глухой ярости и ядовитого отчаяния. Словно все негативные чувства, которые она должна была испытать за свою жизнь, разом проявили себя и закрались к ней под самое сердце. Она хотела отказаться от своей участи, сплунуть то, что внутри, как при неприятном послевкусии, рассечь собственную плоть лезвием и вытащить своё проклятие голыми руками. И у неё бы хватило сил, но не доставало решимости. Всё это ввергало её в ещё большее уныние, а оно, будто держа за руку, водило от одной безумной мысли к другой. И, в конце концов, не найдя в себе сил ни для одной из них, Бетти просто слегла. Эти леденящие путы сердечного отторжения охватили все её конечности, и, казалось, навеки приковали к ложу, где она никогда ничего не почувствует. И только с рождением их дочери – Анны, – в Бетти наконец проснулась яркая живая любовь, победившая все её дурные мысли. Она приняла мужа как необходимое зло, как обыватели принимают несправедливость властей. По прошествии многих лет, когда владения Оскара разграбили индейцы, а всю семью, включая его самого, забили насмерть и лишили скальпов, она не пролила ни слезинки.

Позже Бетти родила во второй раз – красивого тёмно-русого мальчонку, названного Питером в честь почившего в то время деда Бетти. Джордж не обрадовался этому, как радуется каждый родитель рождению своего дитя, но и не расстроился тоже. Он вообще не считал нужным восторгаться или печалиться из-за естественных, своевременных происходящих вещей. Только испытывал некоторое, едва ощущаемое, чувство удовлетворения от того, что всё идёт так, как нужно. Это давало ему понять, что он справляется со своими обязанностями, а ничего важнее в жизни мужчины, как считал сам Джордж, и быть не может. Он всегда ставил потребности выше желаний – как своих, так и чужих. Никогда не ходил по сомнительным местам, не водился с ветреными женщинами, не искал удовольствие в алкоголе или изысканных блюдах. Скучная, однообразная и размеренная жизнь, полная, тем не менее, большим количеством трудностей, разбираться с которыми приходилось каждодневно, успокаивала его и всецело удовлетворяла. Так он и продолжал трудиться, пока их дети подрастали.

Через какое-то время, когда Питер уже бегал голышом по двору, родители Бетти, Роберт и Маргарет Холл, видятся с которыми молодые супруги почти перестали, привели в подарок раба. Этот негр был чёрен как ночь. Если других можно было сравнить с шоколадом или

сливой, то Джошуа был самым настоящим мраком – таким, что по наступлении сумерек мог запросто спрятаться на пустом месте. Джошуа почти не знал языка, был толст и неуклюж, а к тому же ещё и туп. Но он понимал простые указания, мог держать, носить и толкать. Джорджу и этого хватало, а отлынивать от работы он никогда и не планировал. Каждый день, поднимаясь рано утром, он колот дрова, перекапывал и удобрял почву, ухаживал за будущим урожаем, выгуливал и кормил скот, а в свободное время что-нибудь мастерил из дерева. Он как раз доделывал новую колыбельку для их третьего малыша, ещё не покинувшего утробу матери, когда индейцы в округе совсем распоясались – теперь они приходили не только под покровом ночи, но и рано утром, а разоряли не один участок, а, бывало, аж по три за набег. И не желая своей семье печальной участи, Джордж, под громогласное осуждение одних и молчаливое одобрение других, бежал вместе с женой, детьми и рабом на телеге, запряжённой старой клячей. Колыбельку пришлось оставить, но и без неё казалось, что вещей они взяли слишком много.

Джордж принял решение ехать по дороге на юг, чтобы солнце всегда поднималось по левую руку, а садилось по правую. Собирались в спешке, стараясь брать побольше съестных припасов и воды. Роберт Холл заготовил им солонины, в саду Маргарет набрали несколько мешков яблок, а Сюзан Ламберт, мать Джорджа, принесла аж четыре бурдюка вина. От вина Джордж отказался, напомним о пути, который им предстоит, и рассказав, словно родитель ребёнку, что каждый стакан вина им придётся запивать двумя стаканами воды. Тогда Сюзан сдалась и предложила взамен вину сыр и сухари. Все пожитки упаковали в мешки и ящики, которые только смогли найти, напились и наелись досыта накануне отъезда, впрягли клячу и, взобравшись на телегу, уехали, почти ни с кем не попрощавшись.

На первых порах они преодолевали по двадцать пять добротных миль в день, отдыхая и высыпаясь, перекусывая, когда в животах начинало урчать, выпивая, если в горле слишком пересыхало. Но прошло совсем немного времени прежде, чем у них закончились свежие овощи и сыр, а большинство фляг опустело более чем наполовину. И всё же больше всего осложняло путь то, что они не могли ни съесть, ни выпить – их многочисленные пожитки. Казалось, взяли лишь самое необходимое, но на деле и этого было слишком. Очень скоро днище телеги начало скрипеть, а дорога испортилась, и проходить они стали уже лишь по десять-пятнадцать миль. Позже – и того меньше.

Шёл одиннадцатый день пути, когда Джордж вынужден был просить беременную жену сойти с телеги. Солнце тогда стояло высоко, и земля снова жгла ступни. Воздух пах горячим песком, а мягкий горизонт растекался перед глазами, точно плавящееся масло. В их семье сроду не было болтливых, но сейчас все молчали намного больше обычного. Даже Айдан – кудрявый щенок дворняги, подобранный сыном, – перестал скулить, и, казалось, впервые в жизни спрятал язык – несмотря на беспощадно жгущее солнце. Самой большой радостью очередного дня их пути стал старый, покосившийся указатель, буквы на котором едва читались. Джордж объявил перерыв.

Он снял с пояса флягу и передал Бетти, настояв проследить, чтобы дети выпили по три глотка каждый; ей он дозволил два; Айдану – не ради самого щенка, но ради сына, – полагался всего глоток. Сам он пить отказался и негру не дал. Последней оставалась кляча – худая и совсем плохая: живот у неё совсем втянулся, кожа обтягивала голые кости. Ей этот путь дался тяжелее, чем кому-либо другому. Он же станет для неё последним. Когда они доберутся до города, Джордж проследит, чтобы лошадь ушла с миром, но сейчас он ещё не мог её отпустить – больше тащить телегу просто некому.

Джордж помнил эту клячу ещё маленькой кобылкой – резвой, любопытной, но очень боязливой. Тогда ещё молодой Карл Ламберт купил её на ярмарке только лишь для того, чтобы сын мог играть. Первое время он неустанно твердил, что кобыла принадлежит только Джорджу, но уже через год запряг её и отправился пахать. Джордж видел, как тяжело молодой лошадке, и всем сердцем беспокоился за неё. Он даже имя ей дал – Мэри. Лучшее, какое, как он сам

считал, можно придумать для лошади. Отец же, едва услышав это обращение, высек его и потребовал никогда впредь не произносить это имя. Джордж урок усвоил и вот уже больше двадцати лет называл клячу по имени только шёпотом, почти прижимаясь губами к её большому пушистому уху.

– Мэри, – прошептал он, прикладывая к тёмным мясистым губам горлышко, – попей, милая Мэри.

Лошадь сначала повела мордой, но потом лизнула флягу языком и приоткрыла рот. Когда Джордж отвёл флягу, кляча возмущённо, но тихо заржала. Её животную жажду эти капли не утолят – Джордж понимал это, – но сейчас им всем нелегко. Он легко ударил ладонью по крупу лошади, и та мерным шагом побрела вперёд. Он и сам шёл рядом, а справа от него – жена и негр.

Телега перекаtywалась неохотно, с натугой, а днище продолжало скрипеть. Неужто и детей придётся ссаживать? Он не мог рисковать телегой, и пришлось выбирать. Анна – девушка; зато Питер – будущий мужчина. Джордж решил быстро, но сын к тому моменту удачно задремал. Разбудить мальчика, чтобы отправить его стаптывать молодые ноги о твёрдую почву? Нет, думать сейчас надо совсем не о том.

– Питер, – грубым басом сказал он, – Питер!

Мальчик подскочил на месте и сонными глазёнками посмотрел на отца – такой маленький, растерянный. Айдан, устроившийся у мальчика на коленях, оскалил зубы и зарычал. Ударить бы щенка по вытянутой морде, чтобы знал, на кого не следует огрызаться, да только сыну много обиды будет.

– Спрыгивай, пойдёшь пешком. – Питер медлил всего секунду. – Ну, чего ждёшь?! Спрыгивай, я сказал!

Мальчик, не решаясь более гнать отца, резко выскочил из телеги и принял свою нелёгкую участь со смирением, чуждым большинству детей. Подошвы его обуви, поношенной из-за постоянной беготни, почти стёрлись, и вскоре он рисковал идти по грубой почве босыми ногами. Бетти подкладывала ему в ботинки старые тряпки, чтобы ступать было мягче, но надолго бы этого всё равно не хватило. А в их текущем положении, когда в первую очередь нужно беспокоиться о жилье, на которое и половины суммы не скопилось, Питер рисковал отходить с тряпками вместо подошв и многие последующие месяцы.

Однородная бурая твердь тянулась далеко вперёд, а путь по-прежнему казался поистине бесконечным, когда Анна, единственная, не считая щенка, оставшаяся сидеть в телеге, впервые свалилась с солнечным ударом. Это заметили не сразу, а когда заметили, Бетти тут же намерилась вылить на тряпки всю оставшуюся во флягах воду, чтобы затем положить влажную ткань на горячий лоб девочки. Но Джордж со всем своим мужеством потребовал не делать этого.

– Лишь несколько капель, – твёрдо сказал он, забирая флягу. – Ей придётся справляться с этим самой, иначе все сгинем.

Ещё никогда молодая жена и практически трижды мать так не хотела выступать против решения мужа, но хорошее воспитание вновь напомнило о себе, и она в очередной раз смолчала. Они все страдали от жажды, голода и усталости, и лишь Джордж страдал ещё и от собственных сомнений. В правильном ли пути он ведёт свою семью? Не лучше ли было остаться на добычу индейцам, чем погибать в дороге? На двенадцатый день Джордж вдруг понял, что они едва плетутся, а перекусывают одними лишь жёсткой солониной да сухарями. Питер как-то сломал зуб, пытаясь прожевать очередной кусок, и с тех пор к еде почти не притрагивался. Человек умнее Джорджа сказал бы, что сухари и солонину предварительно необходимо размочить в воде, но тот человек не знал, сколько воды у них осталось.

К вечеру тринадцатого дня пути пошёл дождь. И как бы не взбодрилась от этого кляча, как бы не ликовали дети, как бы не пыхтел, в радости высунув язык, Айдан, дороги этим

дождём размыло. Лошадиные копыта утопали в бурой жиже; колёса телеги то и дело проседали и вязли. Джордж с Джошуа толкали вдвоём, но негр, от природной неуклюжести, раз за разом скользил и падал чёрным лицом прямо в грязь. Их скорость до того упала, а силы настолько иссякли, что Джордж стал гадать, кто в их семье умрёт первым. Животы у детей уже набухли, и от бессилия они спали на несколько часов дольше обычного. Самой слабой сейчас казалась Анна, и Джордж знал, что случись так, что девочка умрёт, им придётся сбросить её на обочине, не подвергая лишнему весу телегу, и не тратя время на похороны.

Так бы оно, наверное, и случилось, если бы спустя ещё двое суток к ним навстречу не выехал добрый человек Гастон. Он правил телегой с двумя лошадьми, а среди пожитков сидели его жена Янси и дочурка Белла. Все трое рыжие и кучерявые, да до того похожие, что Джордж даже на миг задумался, а не взял ли Гастон в жёны собственную сестру. Гастон накормил и напоил всё семейство встретившихся ему путников, а те взамен рассказали, что дорогу впереди размыло последними дождями, а путь по ней доведёт до изнеможения и лошадей, и людей. Гастон, собиравшийся съездить в соседний город на рынок, решил развернуть лошадей, и все вместе, теперь уже с двумя телегами, они направились дальше по дороге и всего через несколько миль вплотную подобрались к черте небольшого городка, указатель с названием которого накренился к самой земле, а текст давно стал нечитаем.

В город они вошли в самый разгар грозы. Молния то и дело разрезала небосвод; горожане попрятались от ненастья в своих домах, и на улице не осталось ни души. Никого не взволновала застрявшая посреди дороги телега (даже добрый человек Гастон, чья телега по случайной случайности в грязи не увязла, уехал вниз по улице, спешно попрощавшись с новыми знакомыми). Сначала вся семья вместе с рабом устроилась на телеге, среди вещей и под импровизированным навесом. Но после, когда стало ясно, что днище такой нагрузки не выдержит, Джордж спрыгнул и спрятался от дождя под телегой – по плечи оказавшись в свежей грязи. Уже целиком извалявшийся Джошуа и сам лёг рядом, и, дай бог, такими стараниями их транспорт продержится на день дольше.

Но погода сделала своё дело – кляча заболела. Вместо привычного ржания от неё теперь слышался один лишь свистящий хрип; в карих глазах стояла немая мольба, почти человеческая. Джордж прекрасно знал, что у них и на дом монет не хватит – придётся торговать пожитками, – чего уж говорить о враче для лошади? Тем более уже старая, того и глядишь – без всякой болезни на тот свет отойдёт. Нет, её бы впору продать, чтобы выручить пару лишних монет. Но вот только кому нужна больная кляча?

Наутро Джордж как никогда радовался солнцу – его жгучим, беспощадным лучам, быстро превратившим свежую грязь в плотную бурую скорлупу. Сухая твердь, ещё вчера бывшая топкой жижей, коврами раскинулась по улицам городка. Улицам – прямым и угловатым, с невысокими домами по обе стороны, с любопытными детскими глазами в каждом втором окне. Город встречал новых жильцов с неохотой – она читалась в каждом встречном взгляде. И понятное же дело – много в последнее время людей сбежалось сюда, а новым ртам нигде не были рады. Но как других не волновали проблемы Джорджа и его семьи, так и Джорджа мало беспокоило недовольство незнакомых ему людей. И он, на одном выдохе сбросив с себя все эти ядовитые взгляды, принялся освобождать телегу из плена бурой чешуи. Он и сам такой покрылся, да и Джошуа вымазался так, что стал похож на мексиканца – не в меру крупного, с неестественно кучерявыми волосами на глупой голове. Бетти тем временем подгоняла лошадь, чтобы та тянула телегу, а Питер подобрал палку и ею стал откалывать куски засохшей земли. Солнце почти достигло зенита, когда они закончили, и горожане (даже самые любопытные) разбрелись по своим делам. Одни только дети в окнах продолжали с интересом смотреть на грязных чужаков, да на старую больную клячу, уныло бредущих через весь их небольшой город к мэру. Когда они добрались до его офиса – двухэтажного, чуть более крупного, чем прочие,

здания, – и переступили порог, суетливый худосочный мужичок лет пятидесяти подскочил со своего скрипучего стула и так и разорался своим дребезжащим голосом:

– Да как же можно?! – мэр Клифф Андерсон выставил руки вперёд в намерении вытолкнуть гостя на улицу, но прикоснуться всё же не решился. – Прошу, покиньте дом! У меня недостаточно слуг, чтобы убрать за вами всю эту грязь. Прошу! – острые концы его закрученных усов колыхались в такт возмущению.

– Мы пришли просить вас о продаже, – сказал Джордж без всякого смущения.

– Хорошо-хорошо, продам, что хотите, только на улице. Прошу!

На улице, однако, мэр быстро изменил своему былому настроению. Многие часы были потрачены на то, чтобы донести до понимания этого хитроглазого коротышки всю тягостность последних дней, пока остальная часть семейства отсиживалась в тележке среди увезённого с собой барахла и жарилась в беспощадных лучах полуденного солнца. И всё же Клифф Андерсон, в двух лаконичных фразах выразивший всё своё понимание трудных жизненных обстоятельств, а также обеспокоенность постоянными набегами индейцев, назвал за дом и участок цену большую, чем Джордж рассчитывал услышать.

– Вы же слышали мой рассказ, – сказал Джордж. – У нас таких сумм отродясь не водилось.

– И ещё никогда мне не было так тяжело на сердце, – с грустью в голосе отвечал мэр. – Но торговля, как и правление, требуют от нас быть жёсткими, непоколебимыми. Может, я смогу вам предложить что-то ещё? – он улыбнулся в кривые усы. – Продайте лошадь. И телегу. Ваши вещи тоже могут кому-то пригодиться. Негра отдайте в услугу мне. Жену пристроим кухаркой. Сами поработаете на лесопилке годик-другой. И детей найдём куда пристроить, вот уж не сомневайтесь! – его глаза горели, точно план и правда был гениален, хотя Джорджу совсем так не казалось. – Все получают кров и еду, не будут сидеть без дела. А благодаря жалованию с лесопилки, вы сможете купить домик как раз к тому времени, когда пора будет воспитывать внуков, – хитрые глазёнки Андерсона посмотрели на Анну, и Джорджу это совсем не понравилось, – если, конечно, ваша прелестная дочка не станет спешить.

– Я начну с того, что продам лошадь, и подумаю об остальном.

– Приведите конюха! – тут же задрезжал голос мэра. – Конюха! Конюха! Пусть этот непутёвый толстяк подрывается и немедленно идёт сюда!

Конюх оказался колченог, а потому шёл не спеша, припадая на правую сторону. Кто-то позднее пояснил, что своенравный конь лягнул его так, что раздробил бедро, но даже это не мешало мэру каждый раз торопить бедолагу, то и дело угрожая урезать жалование. Жалования, что интересно, конюх не получал уже много лет – только обед в местной столовой да разрешение спать в маленьком домике рядом с конюшней.

– Я Карл, – хрипло сказал он и протянул Джордж руку, не побрезговав испачкаться в грязи. – Славная у вас семья, сэр.

Мэр Андерсон общительность конюха не одобрил:

– Ты так долго сюда шёл, а теперь смеешь тратить время на разговоры?! Ты не с ним говорить должен, а лошадь смотреть! Или ты забыл, что конюхи занимаются лошадьми? Могу напомнить!

Кряхтя и хрипя, явно сам того не желая, Карл приступил к осмотру. Он осмотрел её зубы, без всякой боязни раскрыв двумя пальцами мясистые губы, постучал костяшками пальцев по копытам, ощупал живот, даже под хвост заглянул. Кляча, по его мнению, оказалась до того загнана и стара, что место ей нашлось бы только на бойне. Да ещё и мэр потребовал не затягивать, а то мясо того и гляди испортится.

– Приходите на рынок рано утром, – добросердечно посоветовал Клифф Андерсон. – У нас давно не было конины. Вы и опомниться не успеете, как её уже сметут с прилавков!

Джордж погладил лошадь по загривку и тихо, словно стыдясь этой своей привязанности, прошептал ей на ухо:

– Мэри.

Она попыталась что-то ответить, как когда-то давно, когда ещё жеребёнком восхищала фермерского мальчонку своим громким, полным жизни ржанием, но из иссушенной лошадиной глотки вырвался лишь хрип.

– Ничего, старушка, ничего, – сказал Джордж уже громче, невольно стыдясь собственного вида и произносимых слов. Как бы дети не решили, что он умом тронулся: какой вздор – говорить с лошадью!

А Мэри, лишь одна понимая его, как и в те далёкие, почти позабытые годы, чуть склонила голову и опустила веки под тяжестью прожитых лет. Когда она открыла их снова, из-под пушистых ресниц покатила крупная капля.

«Слеза? Слеза ли?» – думал Джордж, впервые видя, как плачет лошадь. И в тот самый миг он увидел в больших карих глазах столько понимания, сколько не видел никогда в жизни. – «Она всё понимает. Вообще всё!»

Тогда он без труда прочитал во взгляде Мэри и радость приближающегося избавления, и горечь расставания. Он отвернулся, проглотил тяжёлый вздох, и, убрав руку с грубой шерсти, махнул то ли мэру Андерсону, то ли конюху Карлу, а после ушёл вместе с семьёй.

– Приходите за деньгами с утра! – весело прокричал мэр им вслед.

Всей семьёй они заночевали у проявившей сострадание семьи – в хлеву, на сене, рискуя подцепить блох. С утра пораньше Бетти, пользуясь лишь практическими соображениями и не желая потревожить скорбь мужа, выразила желание сходить на мясной рынок и купить немного конины – им нужно поскорее распродать мясо, а, стало быть, цена за него не должна быть очень высокая. Но в ярости, с которой было встречено предложение жены, Джордж не в первый и не в последний раз наотмашь ударил её по лицу. Бетти взвизгнула и упала прямо на изгородь, которая затрещала и развалилась под весом беременной женщины. Джордж ещё час объяснялся с хозяевами хлева, а потом два приколачивал молотком новые доски. Жена же его несколько дней не могла сидеть из-за глубоко впившихся заноз и зареклась впредь никогда не вспоминать о резанной кляче.

Весь следующий день, а также несколько последующих, Джордж помогал в городе по строительству, Питер выполнял разные мелкие поручения, а Бетти и Анна распродавали их пожитки. Очень скоро вещей осталось так мало, что даже телегу решили продать – всё равно впрягать в неё некого. Благодаря трудолюбию и исключительному старанию Джорджа, его семью были рады накормить в каждом доме, и поселить в каждом хлеву. Он улыбался своими обветренными губами и кланялся, точно ему предоставляют великую благодать. Но такое гостеприимство горожан его на самом деле не грело, а настоящим стремлением, как и прежде, оставалась покупка собственного дома.

Джордж с ранних лет относился к своим идеям с большим трепетом и проникался каждой, едва она приходила ему на ум, как главной целью своей жизни. Иногда, особенно по малолетству, он мог забыть какую-то из них, и был не в состоянии заниматься чем угодно другим, пока не вспомнит её, а потом и сам дивился, на какие глупости потратил половину дня. За те же, которые не забывались, он брался с нечеловеческим упорством и в своих усилиях не страшился никаких трудностей. Единственным условием его безудержного порыва было понимание того, что идея принадлежит ему и только ему. К работе над чужими замыслами он нередко подходил спустя рукава. Его отец ошибался, считая сына непутёвым лентяем, но был прав (как считал сам Джордж), лупя его по спине за каждую провинность. От этого его кожа со временем стала грубой, а боль стала казаться более привычной, чем зной солнечного дня. Годы спустя идей стало становиться меньше, но каждая из них требовала всё больших усилий, и Джордж,

пряча яростный порыв в задумчивом молчании, всё столь же неистово брался за домашние и семейные дела.

Но дни работы плавно переросли в недели, а затем и в месяцы, и в своём непрерывном труде каждый со временем полностью утратил ощущение семьи, и на какое-то время все зажили полностью самостоятельной жизнью. Джордж сутками напролёт рубил, чинил и строгал: руки его совсем огрубели, а лицо так давно не знало лезвия, что внешне он состарился на все лишние десять лет. Для Бетти весь мир сошёлся вокруг продажи любимых вещей, расставание с каждой из которых давалось с большим трудом, и собственного дитя в утробе, с которым она не расстанется уже никогда. Для Питера любое поручение, будь то сбор ягод с кустарника, или передача письма, становилось захватывающим приключением. И, помимо денег, он частенько получал свою персональную, принадлежащую только ему награду. Однажды, например, его накормили похлёбкой, но такой густой, что Питер подумал, что это каша на воде. Каша, в которую по какому-то непонятному разумению положили множество самых разных овощей, добавили мяса, но почему-то забыли про крупу. Почему – он так и не понял, хотя было очень вкусно. Его сестра Анна, очень быстро утратив интерес к мелкой торговле, договорилась со своей более расположенной к разного рода сделкам матерью, что иногда будет уходить погулять, и очень скоро исчезла совсем. Джордж так и не узнал о тайном соглашении жены и дочери, но однажды увидел её в компании городского мальчишки и не на шутку переволновался. Однажды ему даже показалось, что он будто бы видел, как мальчишка тянулся к губам Анны. Джордж бы выпорол дочь, как в былое время порол Питера, но вмешалась Бетти, а её он вновь бить не решился.

– Ты делаешь это в последний раз, женщина, – сказал он ей тогда со всей многотонной тяжестью своего голоса.

Она не удостоила его ответом, но взгляд, выражающий одну лишь непокорность, он уже никогда не забудет.

Джордж с тех пор вёл за дочерью наблюдение (настолько тщательно, насколько это было возможно при его почти круглосуточной занятости) и тайно переживал, что от матери к ней перешла тяга к молодой любви, и в своё время девочку будет тяжело выдать замуж. В этой святой отцовской миссии он совсем без присмотра оставил своего сына, справедливо решив, что мальчика в эти годы в достаточной мере увлекает его пёс Айдан, и пройдёт ещё много лет, прежде чем Питер, как каждый мужчина в своё время, встанет перед искушением любить многих женщин и проживать жизнь в стакане.

Джошуа всё-таки отдали в услужение мэру Андерсону – всего лишь на время, заранее чётко оговоренное. Джордж однажды на улице случайно пересёкся с чёрным рабом взглядом и с ужасом понял, что тот его не совсем узнаёт. Тогда он впервые задумался о том, как же давно на самом деле они живут в хлевах и занимаются практически всем, за что платят. Джордж был хорош в быту, но деньги считать совершенно не умел, только складывал их в общую кучу и доверял всё жене, наказывая тратить не больше, чем нужно. Но прошли месяцы и тут даже болван (а Джордж болваном себя не считал) понял бы, что нужная сумма уже давным-давно должна была скопиться. Вопрос стоял остро, как нож у горла вора, и было совершенно очевидно, кому следует его задать. Но Джордж и рта раскрыть не успел, оказавшись подле своей благоверной, как она обожгла его слух обвинительной речью. Ропща на извечные неудобства и скудные яства, Бетти попыталась обвинить мужа в том, что он не удосуживается снять семейству даже комнаты в гостинице. По её разумению, мужчина мог спать хоть на сене, хоть в лошадином навозе, если его такое устраивало, но детям и беременным женщинам нужна была нормальная постель и споров на этот счёт и быть не может. Едва жена договорилась, как Джордж схватил её за шею так, как обычно хватал полено, и тряс, пока не вытряс все гадкие слова из глотки, и, как он надеялся, мысли из головы. После этого случая распоряжение накопленным состоянием целиком и полностью перешло к главе семьи. Не прошло и двух недель, как

прежде неизмеримо светлые лица жены и детей потускнели, как его собственное в первые же дни жизни в новом городе, но денег набралось аж половина от стоимости приличного дома. К тому моменту руки Джорджа покрылись несчётным количеством новых мозолей, а спину не переставало ломить, но тут словно сам мэр решил вдруг сжалиться над бедной семьёй. Он предложил им старый дом, честно предупредив, что ремонт займёт время, располагавшийся в отдалении на юге города, подле леса. За работу Джошуа он при этом не заплатил, аргументируя это отчасти тем, что негр жрёт почти что на столько же, сколько зарабатывает.

– Огород там надо бы перепахать, но вот в дровах-то уж проблем точно не будет! Колодец выкопан, печь в доме есть, у дома сарайчик – старый, правда, – мэр улыбался в кривые, закрученные на кончиках усы, то и дело облизывая пересохшие губы. – Отдам за все ваши деньги и негра.

– И там никто не живёт?

– Совсем никого! Будете точно в эдемском саду – никаких вам там помех и тревог, никакого шума, никаких склок и ссор.

– Я бы предпочёл быть поближе к людям и городу. Нам всё-таки урожай продавать, да и жена ждёт дитя. Мы подкопим деньги и присмотрим что-нибудь в центре.

– Нет-нет-нет, – мэр покачал головой. – Вы что думаете, одни сюда приехали?! – он ударил руками по столу. – Я только и думаю, как бы вас, непрощенных беженцев, всех разместить, а вы отказываетесь от такого предложения!

После этого мэр Андерсон встал из-за своего небольшого резного столика и долго ходил взад-вперёд по комнате, как бы думая. Джордж не решался нарушить его молчание. Наконец, мэр изрёк спокойным тоном:

– Земля в дефиците и вся дорожает. Соглашайтесь на дом или завтра он станет дороже вдвое, а все прочие – втрое.

Джордж не испугался угроз мэра, однако за время тишины поразмыслил, что у дома на окраине всяко больше места под поля, а что до пути на рынок, то как они будут ходить в центр от леса продавать урожай, так и в ином бы случае, живя в центре, ходили бы к лесу за дровами. И всё же с одним условием он по-прежнему не мог согласиться:

– Но я не могу оставить вам раба насовсем. Он будет нужен, чтобы починить дом и засеять урожай!

– Кажется, у вас растёт мальчик, – мэр постучал пальцами по столу. – Сколько ему? Семь? Девять? Не важно, ему самое время учиться строить и сеять. К сбору урожая я обещаю негра вернуть, но не раньше. Ждите.

Джордж понимал, что дальше спорить с мэром опасно – того и гляди снова разозлится и передумает.

– Хорошо, согласен со всем.

– Тогда приходите через несколько дней, мы заключим сделку, а пока идите. Вы у меня не единственный беженец на сегодня.

К их следующей встрече мэра уже прозвали одноглазым, и Джордж понял почему, едва пересёк порог офиса. Под левым веком Андерсона вскочил чирей, разросшийся до таких размеров, что мэр вскоре и вправду сделался одноглазым. И не успели горожане вдоволь нарадоваться тому, что вор и обманщик получил по заслугам, как уже стали молить бога о его выздоровлении. С приходом болезни мэр Андерсон обзлился и теперь ненавидел каждого, чьё лицо не обезобразилось каким-нибудь недугом. Джордж принёс ему ровно оговорённую ранее сумму, но имел неосторожность засмотреться на уродливый багровый нарост, и Андерсон запросил на пятую часть больше, сославшись на будто бы хороший год для урожая белой репки. Это оттянуло сделку ещё на неделю, но всё же она состоялась.

Когда они пожимали руки, Клифф Андерсон хмурился, превратив свой лоб в длинную вереницу тонких складок, и смотрел единственным глазом так, будто продаёт хозяйство себе

в убыток. Джорджа утомляло и ожидание, и переменчивый, словно погода в последние дни, настрой мэра, но свой собственный вспыльчивый нрав он заранее надёжно запер под замками рассудительности и сдержанности. И только благодаря этому он в компании молодой жены и детей вскоре оказался у старого дома, построенного на неухоженном участке, с остатками скромных пожитков в руках. Старик, что жил здесь прежде, несколько лет как помер, а ближайшая родня наспех продала дом в городские владения и избавилась от остатков стариковского имущества. В силу почтенного возраста прежний хозяин долгое время не занимался ни домом, ни хлевом, ни огородом – уж и не понять, чем питался да на чём спал. С его же смерти место и вовсе находилось в запустении: изгородь необходимо было чинить, а деревья вырубать – лес вот-вот бы и добрался до самого огорода, уже заросшего высокой травой. Дом, тем не менее, стоял крепко, надёжно запирался, а его дверь и окна выходили прямо на восток – так, как Джордж сделал бы сам, если бы взялся строить с начала. Так он мог просыпаться с первыми лучами солнца и встречать его, стоя на пороге. Дом внутри показался на удивление просторным, но скорее не столько от собственных размеров, сколько от почти полного отсутствия какой-либо мебели. Но Джордж Ламберт не беспокоился об этом, с самого начала решив заменить все старые деревянные предметы новыми, сделанными своими руками.

Прямо за порогом их нового жилища начинался широкий прямоугольный коридор, по левую сторону которого был небольшой закуток с пустой кладовой; за коридором ждала развилка, от которой более узкие проходы вели к трём разным комнатам, впоследствии справедливо разделённые на родительскую спальню, детскую и кухню. В их старом доме у Анны и Питера комнаты были отдельные, но здесь им придётся жить вместе. Джордж не видел в этом никакой проблемы и не считал за неудобство. Неудобством можно было считать отсутствие кровати, но на первое время в старом, почти развалившемся и уже совершенно непригодном хлеву, нашлось сено. При себе остались мешки, чтобы постелить их поверх. Питаться первое время приходилось ягодами и редкими, найденными в земле, дикими овощами. Несмотря на непривычность нового расположения и некоторую тоску по старому дому, такие перемены порой очаровывали своей манящей новизной, и Джордж с большим, чем прежде, удовольствием занимался обустройством дома. В первую очередь он срубил два наименее крепких дерева и, в одиночку распилив их нужным образом, сколотил две узких кровати – одну для детей и одну для жены, а сам ещё какое-то время спал на сене. Дальше починил изгородь, прополот и засеял огород, а уже после принялся сколачивать широкую кровать – для себя и Бетти. Их предыдущая досталась Питеру, чтобы ему больше не пришлось спать вместе с сестрой.

Живот Бетти уже начинал мешаться, когда они с мужем впервые за долгое время смогли разделить одну постель. Джордж по двум прошлым беременностям помнил, что в ближайшие месяцы будет спать намного меньше жены, опасаясь не нарочно задеть её. Шея Бетти до сих пор болела от последней склоки с мужем, но она не пошла искать помощи доктора, не хмурилась и не злилась, принимая грубость супруга как должное и в то же время всем сердцем ненавидя его за это. Но законы природы неумолимы и естественное желание голода, как по еде, так и по мужчине, Бетти победить не удалось, а законы человеческого общества твердили, что насыщаться она должна только с этим мужчиной. Их первая ночь в новой постели была такой, словно одно лишь её отсутствие всегда мешало соблюдению супружеских обязательств. Джордж же всегда с некоторым непониманием наблюдал за тем, как охотливо жеребцы набрасываются на кобылиц. Это животное стремление как можно скорее вступить в связь было ему чуждым. Он никогда не испытывал столь яростного желания ни к своей женщине, ни к любой другой, а в редкие часы взаимных ласк с ханжеской брезгливостью вспоминал о позоре жены.

В их первую же совместную ночь, которая, как и многие последующие, прошла наполовину бессонно, Джордж встал с постели и обнажённым прошёл до окна. Через стекло, сквозь ночь, на него смотрел лес. Обычным утром солнце, вставая, проливало свой свет на ближайшие кроны, и их сочная зелень впечатляла, успокаивала. Сейчас же лес выглядел жутко, зло-

веще, и, едва различимо колыхаясь, что-то шептал. Джордж всматривался и ничего не видел. Джордж вслушивался и ничего не слышал. Джордж в ночной час скудоумия обратился к лесу с вопросом и, словно истукан, ещё с несколько минут ждал ответа. После его сознание нагнали беспокойство о повседневных хлопотах и понимание важности отдыха перед тяжёлой работой. Он вернулся в постель к жене и почти мгновенно провалился в сон.

Утром, как и полагалось, его разбудил солнечный свет, золотой рекой растёкшийся по комнате. Джордж встал на пороге их нового дома и, сладко вдохнув свежий, чуть холодный воздух нового дня, окинул взглядом светлую зелень горизонта. Утренний лес в мягких объятиях душистого ветерка шептал что-то ласковое, ненавязчиво даря пожелания на сегодняшний день. Джордж вернулся в дом, растолкал жену и, минуя завтрак, так как завтракать было попросту нечем, отослал её вместе с сыном в город за продуктами. Капуста, репа, морковь, лук и картофель – всё, что они могли себе позволить на остатки заработанных денег. Но зато в таком количестве, чтобы можно было протянуть не до первого, а даже до второго урожая. Они ушли рано утром, и Айдан, весело твякая на всё вокруг, преданно засеменял вслед за Питером по тропе, что тянулась на юг вдоль леса и огибала его – можно было бы срезать через лес, но сам Клифф Андерсон настоятельно советовал этого не делать, ставя в пример скудоумных, регулярно пропадающих горожан. Джордж остался наедине со своей дочерью Анной – девочкой одиннадцати лет, с золотыми кудрями и голубыми, доставшимися ей от матери, глазами. В поисках хоть чего-нибудь интересного она бегала вокруг и вглядывалась в каждую травинку, пока Джордж распиливал новое бревно.

– Там, за ближайшими деревьями, целая поляна красивых цветов, – сказал он, на время отложив пилу. – Сходи, собери их для матери.

И Анна тотчас же припустила к лесу. Её совсем не интересовали цветы, но прожитые годы приучили ни в чём не пререкаться с отцом, а недавно, когда он по несправедливой случайности нарушил таинство первого поцелуя, и вовсе стала бояться. Если бы она могла выбирать, то выбрала бы поход в город вместо Питера, чтобы поболтать со сверстниками. Но отец бы не разрешил. Он никогда ничего не разрешал. И Анна в тайне мечтала о том дне, когда вырастет и, несмотря на все протесты тогда уже постаревшего отца, сбежит в какой-нибудь огромный город, где будет жить при деньгах и в своё удовольствие. Но мечтать или даже хоть на секунду задуматься об этом она решалась только глубокой ночью, предварительно удостоверившись, что брат спит крепким сном. Она боялась, что если подумает о таком на людях, то отец каким-то образом узнает про это и накажет её так, как постоянно наказывал маму. Они никогда об этом не говорили, но Анна знала о глубоком несчастье матери и тех страданиях, которые она переживала каждый день и каждую ночь. Приучившись с детства бояться и ненавидеть ту боль, которая рождается в принужденном, лишённом страсти и уважения браке, Анна поклялась себе, что никогда не выйдет замуж. В старом доме, когда они уезжали, осталось много их вещей, но клятву Анна взяла с собой, надёжно укрыв в глубинах своего сердца. И запирая самое сокровенное под печатью тайны, она никак не могла знать, что сдержит эту клятву даже вопреки собственному желанию.

В дом она вернулась раньше мамы и брата, неся в своих маленьких ручках целую охапку незнакомых ей жёлтых, красных и синих цветов. Маме не понравится, что она оборвала половину поляны, понапрасну сгубив растения, но если сразу сказать про отца, то ничего страшного не случится. За время её отсутствия на пустом месте в центре кухни уже появился небольшой, наспех сколоченный столик, сделанный на замену старого, развалившегося и по частям отправленного в печь днём ранее. Новый с виду был неказист, но вполне пригоден для пользования. Она разложила цветы по столу и охнула, случайно занозив палец. Положив его в рот и облюнявив, Анна понадеялась, что скамейки отцу удадутся лучше.

В это время на рынке Бетти со всеми подряд торговцами заводила разговоры, которые её муж счёл бы неуместными и недостойными. Таким образом она пыталась сэкономить лишнюю

монету, купив те же продукты по меньшей цене. Питер, твёрдо для себя уяснив, что от угрызений совести за молчание отлично спасает незнание о преступлении, играл с Айданом далеко в стороне от ближайших прилавков. Тем удобнее было его удачное алиби, что сами торговцы требовали держать собаку подальше от товара. Иначе, как они говорили, шенок скоро сам окажется на прилавке. Глядя на плюющихся мужчин и громко смеющихся женщин, Питер подумал, что рад жить подальше от города. Даже несмотря на всех тех людей, что были приветливы и добры к нему в последние пару месяцев, кормя этой странной ни то похлёбкой, ни то кашей, он хотел отдалиться от них, предпочтя городской суете тихий быт в окружении родных.

Когда они с матерью и Айданом вернулись к дому, отец уже доколачивал последнюю лавку. Он обещал им обед за настоящим столом, и, как не мог не отметить Питер, как обычно сдержал своё обещание. Наблюдая за работой отца, он постоянно разглядывал его руки, кожа которых напоминала жёсткую кору деревьев.

Однажды, как думал Питер, его собственные руки станут такими – грубыми, сильными, мужскими. Он тоже начнёт работать на огороде, рубить лес, сколачивать предметы мебели, заведёт семью и детей, а у его сына, конечно же, будет собака. Он размышлял над этим, пока нёс огромную, до самого его подбородка, корзину с репой и луком. Каким-то неведомым чутьём он предугадал камень на своём пути и предусмотрительно его обошёл, заранее зная, что было бы дальше, споткнись он и рассыпьте овощи. Может, это не чутьё вовсе, а Айдан своим разборчивым тьявканьем предупредил друга, и Питер, сам того не заметив, внял его предупреждению?

Вдвоём с матерью они снесли всё купленное в прежде пустующую кладовую. В этом просторном помещении Питер, оглядев каждый тёмный угол, приметил несколько щелей, похожих на те, что оставляли после себя мыши. Он никому не сказал об этом, а ночью, едва все заснули, взял отцовские гвозди и молоток, собрал во дворе обрезки досок и принялся заколачивать отверстия.

«Пусть отец отдохнёт, он и так много работает», – думал Питер, стуча молотком так, что никому в доме уж точно было не до отдыха.

Наутро отец сказал, что ему нужно научиться выбирать правильное время для игр и что по ночам дети, как, впрочем, и все люди вообще, должны спать. И Питеру стало так грустно и обидно, что он вернулся в комнату, зарылся носом в подушку и беззвучно рыдал. Один только Айдан обратил на это внимание и, вспрыгнув на кровать, принялся тереться холодным носом о его щёку. Но маленького мальчика расстроило не только то, что его труд не оценили по достоинству, но и то, что оценивать было как-то и нечего – он до кровавых подтёков отбил себе два пальца, посадил полдюжины заноз, погнул десяток гвоздей, которые припрятал в карманах своих брюк, а рано утром, пока все ещё спали, надёжно закопал в лесу, но щели так и не забил. Стыдясь неудачи и детским умом понимая, что со своим решением молчать только он один будет нести ответственность за каждый съеденный грызунами корнеплод, Питер нашёл хворостину попрочнее и стал дежурить у кладовой по ночам. Он выбирался из-под одеяла в самые спокойные часы сумерек, здраво рассудив, что именно в такое время свои носы решатся показать мыши, садился на корточки у двери. Так он каждое своё дежурство проводил у кладовой по несколько часов, стараясь даже не дышать, и сжимал хворостину с крепким намерением покарать вредителей. Но как в первую ночь, так и во все последующие он не приметил ни одной мыши. И всё же Питер верил, что стоит ему пропустить хотя бы одну свою смену, как грызуны тут же налетят всем скопом и оставят его семью совсем без еды.

Мыши так и не показались, но совсем без пользы ночные дежурства не прошли, потому как ровно неделю спустя мальчик сделал для себя удивительное открытие, случайно заметив отца, вставшего посреди ночи. Тот, совсем голый, прошёл мимо кладовой и, не заметив Питера, встал у окна. Он замер там, вглядываясь в ночь и будто бы пытаясь что-то увидеть. Питер дождался, пока отец уйдёт, и, внемля своему детскому любопытству, также встал у окна. Он поначалу подумал, что раздеваться для странного обряда вовсе необязательно, но позднее,

когда лес на протяжении уже нескольких минут так и оставался сплошным тёмно-зелёным пятном, решил, что без этого всё-таки никак. Он снял всю свою одежду и сложил рядом с окном в аккуратную стопку, а после снова взгляделся в горизонт. Тогда-то он и в самом деле стал что-то замечать: лица, движения, причудливые когтистые лапы огромных худотелых великанов. Он наблюдал за этим новым в ночном мире явлением, не понимая, что это просто бурное воображение, которым столь часто болельны дети.

Зато Бетти, не первый день замечавшая непроходящие вялость и сонливость своего маленького сына, случайно застала его смотрящим на улицу без одежды, и придумала этому совсем иное объяснение. С привычной для любой матери тревогой она в который раз надела на мужа, объясняя и доказывая нужду привлечь городского доктора. С твёрдой уверенностью, что лишь она одна знает, что лучше для её детей, Бетти покорно блюла правила и каждое своё решение сначала доносила до мужа.

– У нас нет на то денег, женщина, – ответил Джордж привычно грубо и безучастно.

– Да ты так и будешь всё о своём, пока дети не помрут?! – Её муж в ту минуту колот дрова, но даже топор в его руках не испугал Бетти.

– Смотри за ними лучше, тогда и не помрут. А сейчас пооди прочь – работать мешаешь!

От этих слов она ушла в состояние беззвучной ярости, хоть и заранее знала его ответ. Также она знала и то, что когда-нибудь всё-таки сможет найти в себе смелость сделать всё по-своему. Обида за каждый отказ множилась в её сердце и однажды рисковала либо вырваться наружу чудовищной силой, либо расколоть его на части, навсегда лишив женщину возможности чувствовать этот мир. В этот раз Бетти действительно пошла прочь – одна, в город. Денег у неё при себе не было, а последние монеты из их пожитков муж держал в ящичке под кроватью и каждый вечер пересчитывал. Таким образом, в своих скромных мольбах помочь сыну излечиться она могла надеяться только на людскую доброту. Сначала Бетти спрашивала всех вокруг о докторе, который, как быстро выяснилось, уехал по делам ещё несколько дней назад и до сих пор не вернулся. Потом прошлась по бабкам, продающим травы, но те при всей своей обыденной любезности даже говорить не стали с женщиной без денег. Наконец, в момент, граничащий с беспомощным отчаянием, ей встретилась знакомая девушка. Увидев рыжие кудри и светлое улыбочное лицо, Бетти сразу узнала Янси – жену доброго человека Гастона, что напоил и накормил их по пути в город. Они беседовали мило, как обычно беседуют старые подруги, и даже обсудили последние дела – как свои, так и мужей. Потом Бетти перевела разговор на недуг своего сына Питера, и Янси, проникшись глубоким сочувствием, какое свойственно одним лишь матерям, доверила старый рецепт отвара из трав, какие растут буквально под ногами. Весь следующий вечер, едва вернувшись к семье, Бетти только тем и занималась, что ходила то перед домом, то по лесу, ища описанные травы. Она успокоилась только тогда, когда Питер выпил готовый отвар и с видом явного недомогания побежал на горшок. Он мучился несколько часов, но мать знала – это всё это ему только на благо. И действительно, после крепкого продолжительного сна ребёнок подскочил с кровати, будучи энергичным, бодрым и уже абсолютно здоровым. И теперь уже никогда, сколько помнила Бетти, не болел, так что очень скоро она заготовила ещё трав и решила напоить и Анну, едва у той покажутся первые признаки какого-нибудь недуга.

Сам же Питер отказался от своей затеи сторожить кладовую ещё в тот момент, когда осознал, что его ночные дежурства рассорили родителей. И всё же он без пререканий выпил странный отвар матери, а позднее стойко принял свою участь и провёл на горшке несколько часов подряд. Отец, то ли оказавшись человеком более проницательным, то ли случайно заметив его в одну из тех ночей, когда от бессонницы вставал посмотреть на лес, без труда раскрыл истинную причину негодования Питера. Не без участия отцовской строгости и поучительных наказов они обсудили и обнаруженные в кладовой мышиные норы, и ночные дежурства, и странные опасности, скрывающиеся в лесу.

Вскоре, когда недостаток мебели в доме оказался восполнен, изгородь починена, огород расчищен и засеян, кладовые наполнились едой, кухня утварью, а в шкафах даже появилось несколько книг, Джордж засел мастерить новую колыбельку – взамен той, что была брошена в старом доме. Он выпилил плотную крепкую дощечку для дна, четыре потоньше для стенок и отполировал каждую, а затем долго и тщательно вырезал ножки. Это станет его первым подарком для будущего сына. Или дочки. Он не знал и не имел привычки загадывать такие вещи. Даже если ребёнок окажется слабым и умрёт, они с Бетти рано или поздно заведут ещё одного. Джордж был уверен, что его труды не пропадут. Мастера колыбельку, он вдруг заметил, что Анна играет со сплетёнными Бетти куклами, и вырезал несколько деревянных игрушек для Питера – большую и сильную лошадь, гордого офицера с прямой спиной и широкими плечами, толстую корову. Позднее он ещё планировал сделать карету, да такую, чтобы в неё можно было впрягать лошадь, но заметил, что играть с Айданом сыну много интереснее, чем с деревянными поделками, и это как-то само собою забылось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.